

УДК 94381

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЖЕНЩИН НА ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В СПАРТЕ КЛАССИЧЕСКОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

Д.И. СТРОЙКОВ*Нижегородский государственный
лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова**e-mail: dstroikov@yahoo.co.uk*

Предметом рассмотрения данной статьи является модель поведения спартанских женщин и то место, которое они занимали в обществе. В статье показывается, что к середине IV в. до н.э. в Спарте сложилась совершенно отчетливая тенденция участия женщин в управлении государством и влияния на принятие важных политических решений, которые имели последствия не только для самой Спарты, но и для всего греческого мира. Основываясь на имеющихся источниках, проанализировав существующие точки зрения исследователей по данному вопросу, можно сделать вывод о том, что причастность женщин к управлению государством не была изолированным или случайным явлением, напротив, она может считаться закономерным следствием всего их образа жизни и того высокого положения, которое они занимали в спартанском обществе.

Ключевые слова: спартанские женщины, политическое влияние, дочери-наследницы, *kleros*, частная собственность.

В 240 г до н.э. спартанский царь – реформатор Агис IV терпит поражение в противостоянии с представителем другого царского рода – Леонидом. Вместе с ним были казнены его мать Агесистрата и бабка Архидамия. Что заставило победителей пойти на такой шаг, казнив не только лидера противоположной стороны, но и двух женщин из числа его ближайшей родни? Не секрет, что в Древней Греции женщины, по сути, являлись особой разновидностью полурабынь, вся жизнь которых проходила в монотонном и отупляющем домашнем труде. Ни о каком участии в управлении государством или принятии политических решений не могло быть и речи. Это годилось разве что на сюжет для комедии (вспомним аристофановских "Женщин в народном собрании"). В то же время, приведенный выше пример заставляет думать, что Леонид просто не мог себе позволить оставить в живых двух этих женщин, которые, как выясняется при ближайшем рассмотрении, были ближайшими союзницами и единомышленицами юного царя и играли ключевую роль в проведении в жизнь задуманных им реформ. Так, по словам Плутарха (Agis. VI. 4), Агесистрата "пользовалась в государстве большим влиянием, благодаря множеству клиентов, друзей и должников, и многие общественные дела вершила самолично" Впрочем, в Спарте все это было в порядке вещей, ибо, как сказано немного ниже (VII. 3), "лакедемоняне всегда оставались под властью женщин и больше позволяли им заниматься государственными делами, чем сами вмешивались в дела домашние", а в то время, о котором идет речь, и "богатства Лаконии по большей части находились в руках женщин". Заразившись консервативно-революционными идеями Агиса, Агесистрата и Архидамия не только сами отказались от своих огромных богатств в пользу государства, но и пытались склонить к тому же акту самопожертвования и гражданской сознательности также и других "дам из высшего общества" (Ibid. VII. 2-3; IX. 3). Однако их агитация, по-видимому, не имела большого успеха. В большинстве своем, состоятельные женщины не пожелали расстаться с привычной для них роскошью и тем почетом и могуществом, которые им давало их богатство, и решительно воспротиви-

лись реформаторским замыслом Агиса, оказывая всемерную поддержку его главному сопернику – представителю другого царского рода Леониду (Ibid. VII. 3-4).

Таким образом, становится очевидным, что спартанские женщины пользовались несравненно большей свободой и влиянием внутри государства, чем их современницы из других греческих городов. Стоит признать, что Агесистрата и Архидамия были представительницами царского рода, однако нигде больше в античной традиции мы не встречаем примеров подобного влияния женщин на внутривнутриполитическую жизнь полиса, пусть даже эти женщины и были бы представительницами правящих кругов.

Что же привело к тому, что в спартанском государстве сложилась модель поведения женщин, отличная от характерной для всей остальной Греции?

Не секрет, что Спарта по многим параметрам весьма сильно отличалась от большинства греческих полисов. И уже современники отмечали, что поведение спартанских женщин и то место, которое они занимали в обществе, также было отличным от положения женщин в других греческих городах¹.

В то же время, принимая во внимание феномен так называемого «спартанского миража» и тот факт, что имеющиеся в нашем распоряжении источники целиком и полностью принадлежат перу авторов-мужчин, следует рассматривать дошедший до нас образ «свободной» женщины Спарты с известной долей осторожности².

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют нам выделить несколько основных причин, которыми были обусловлены аномалии в образе жизни, поведении и психологии спартанских женщин. Прежде всего, это, конечно же, тот ненормальный образ жизни, который вели мужчины-спартиаты после установления в Спарте так называемого «ликургова космоса». И здесь особого внимания заслуживают, на наш взгляд, соображения, которые были высказаны в свое время по этому поводу выдающимся английским историком А. Тойнби.

По его мнению, мужчина-спартиат уже в младенческом возрасте вырванный из лона семьи, обреченный расти и развиваться под гнетом жестокой военной муштры, в обстановке, близко напоминающей современную казарму, по-видимому, совершенно терял вкус к семейной жизни. Его обязанности в этой отнюдь не самой главной сфере его существования как человека и гражданина, в сущности, сводились к одной единственной функции – детопроизводству³. Судя по всему, он был практически отстранен от воспитания детей, почти не занимался хозяйством. Относительная свобода, которой пользовалась в своей повседневной жизни спартанская женщина, была, по мнению Тойнби, своего рода побочным результатом этой возведенной в ранг государственного принципа сегрегации полов. Вероятно, не слишком обремененная домашними заботами, и, в то же время, свободная от тягот военной службы и других повинностей, возложенных государством на мужчин, она была и в самом деле, как считал уже Аристотель (Pol. II, 1269 b12-1270 a29)⁴, предоставлена самой себе и, видимо, обладала достаточным досугом, что открывало перед ней возможности более или менее гармоничного развития ее личности, в других греческих полисах считавшегося привилегией одних только мужчин.

¹ В сопоставлении биографий Ликурга и Нумы (25) Плутарх пишет об этом следующее: «...Ликург предоставил им полную, поистине неженскую свободу, что вызвало насмешки поэтов. Спартианок зовут "оголяющими бедра" (таково слово Ивика), говорят, будто они одержимы похотью; так судит о них Эврипид, утверждающий, что делят *Они палестру с юношей, и пеплос Им бедра обнажает на беггах*. И в самом деле, полы девичьего хитона не были сшиты снизу, а потому при ходьбе распахивались и обнажали все бедро. Об этом совершенно ясно сказал Софокл в следующих стихах: *Она без столы; лишь хитоном Едва прикрыто юное бедро УГермионы*. Говорят еще, что по той же причине спартианки были дерзки и самонадеянны и мужской свой нрав давали чувствовать прежде всего собственным мужьям, ибо безраздельно властвовали в доме, да и в делах общественных высказывали свое мнение с величайшей свободой».

² Cartledge P. "Spartan wives: liberation or licence?" // *Classical Quarterly*, n.s. 31. P. 84-105; *Spartan Reflections*. L., 2001. P. 106-126.

³ Toynbee A. *Some Problems of Greek History*. L., 1969. P. 363 f.

⁴ Перевод С.А. Жебелева.

При всей ее убедительности гипотеза Тойнби едва ли может быть признана окончательным и исчерпывающим ответом на стоящий перед нами вопрос. Не отвергая такую возможность решения проблемы, рассмотрим также и некоторые другие. Выдающийся отечественный историк Ю.В. Андреев в своей статье "Спартанская гинекократия" говорит о том, что характерные для общественной жизни Спарты отступления от слишком строгих принципов патриархальной субординации могут свидетельствовать об определенной притупленности собственнических инстинктов у мужчин-спартиатов. Типично крестьянский взгляд на женщину, как на своего рода придаток к семейному имуществу, глубоко укоренившийся в сознании греческого общества уже на заре архаической эпохи, о чем мы можем судить по хорошо известным высказываниям целого ряда авторов от Гесиода до Ксенофонта, в Спарте в силу некоторых причин не был принят общественным мнением. В этой связи будет уместно напомнить о том, что земельные наделы (клеры) спартиатов и прикрепленные к ним илоты, по крайней мере, юридически не считались их собственностью, а сами они находились на содержании у государства как пассивные получатели ренты, практически не принимающие никакого участия в производственном процессе. Сугубо собственническая психология греческого крестьянства, по всей видимости, была совершенно чужда этой замкнутой касте профессиональных военных, с презрением взиравших на земледельцев и всех вообще людей физического труда⁵.

В немалой степени подавлению собственнических настроений в сознании граждан Спарты должна была способствовать и официальная пропаганда "достойного образа жизни", ориентированная на идеалы казарменного равенства и единомыслия. Борьба Ликурга с "пустым бабьим чувством ревности", о чем в один голос говорят наши основные источники, Ксенофонт и Плутарх, была по своей политической сути явлением того же порядка, что и предпринятые этим законодателем гонения на роскошь, запретительные меры против ремесла и торговли, ограничения денежного обращения и т.п. Как специфический предмет роскоши женщина, в отличие от золота и серебра, не могла быть полностью изъята из употребления. Следовательно, она должна была стать общим достоянием, как белый хлеб или жертвенное мясо на совместных трапезах в сисситиях⁶. При отсутствии в Спарте признанного обществом и государством института гетер свободная женщина была вынуждена совмещать в одном лице две, казалось бы, несовместимых ипостаси: матроны-домовладычицы и блудницы – служительницы Афродиты Всенародной⁷.

Также некоторые античные авторы, такие как, например, Еврипид и Аристотель, связывают политическое влияние и могущество спартанских женщин с их изрядно выходящим богатством. Данные утверждения находят свое подтверждение в исследованиях современных западных историков⁸.

По словам Аристотеля, "Женщины владеют почти двумя пятыми всей земли, так как есть значительное число дочерей-наследниц, да и за дочерьми дают большое приданое" (Pol. II, 1270a23-5).

В определенных ситуациях женщина могла оказаться единственной наследницей семейного имущества. Спартанцы называли таких наследниц – *патроуχοи* (букв. "держательницы семейного надела"). Об их особом положении свидетельствует тот факт, что в случае преждевременной смерти отца, если он не успел позаботиться о замужестве наследницы, его должен был заменить один из царей, который подыскивал девушке жениха (Herod. VI. 57, 4). "Только одним царям принадлежит право вы-

⁵ Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 59.

⁶ См.: Xen. Lac. Pol. V. 3; Plut. Lye. XII. 2; Athen. 141 c-e.

⁷ Андреев Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 59.

⁸ Millender E.G. Athenian ideology and the empowered Spartan woman // Hodkinson S., Powell A. (eds.). Sparta: New perspectives. 1999. P. 355-391; Hodkinson S. Property and Wealth in Classical Sparta. L., 2000. P. 94-103; Pomeroy S.B. Spartan Women. New York, 2002. P. 76-89.

носить решения по следующим делам: о выборе мужа для дочери-наследницы (если отец никому ее не обручил)⁹.

Однако, за исключением этих особых случаев, девушек в те времена, когда еще сохраняли свою силу законы Ликурга, выдавали замуж вообще без всякого приданого, вероятно, для того, чтобы избежать дробления семейного достояния (Plat. Moral. 227 f.; Athen, 555b-c). Все эти правила, очевидно, перестали соблюдаться после вступления в силу так называемой "ретры Эпитадея", практически легализовавшей в Спарте режим частной собственности, при котором каждый гражданин мог свободно распоряжаться своим имуществом¹⁰. В этой ситуации собственность, включая землю и другую недвижимость, должна была более или менее равномерно распределяться между представителями обоих полов. Результатом этого, по-видимому, и может считаться та ненормально высокая концентрация земельных владений в руках женщин, на которую обращает внимание Аристотель в приведенном выше пассаже "Политики" (Pol. II, 1270a 23-29), прямо связывая ее с вошедшими в его время в обычай большими придаными и правом свободного распоряжения судьбой дочерей-наследниц и их состояний.

Кроме того, женщины, в отличие от мужчин-спартиатов, не должны были делать обязательный взнос за участие в совместных трапезах, не принимали участие в охоте – а ведь именно обязательное участие в этих мероприятиях ложилось тяжелым бременем на плечи мужчины-спартиата. Тех, кто не способен был обеспечить свое участие – просто переставали считать *homoioi* – равными.

Таким образом, всё это привело к тому, что к середине IV в. до н.э. в спартанском обществе сложилась совершенно отчетливая тенденция участия женщин в управлении государством и влияния на принятие важных политических решений, которые имели последствия не только для самой Спарты, но и для всего греческого мира.

Так, по свидетельству Плутарха (Ages. 10. 6), назначение царём Агесилаем II в 395 г. до н.э. навархом спартанского флота Писандра, который его жене Клеоре приходился родным братом (и чье назначение привело к прекращению спартанской гегемонии на море после поражения в битве при Книде), было продиктовано лишь желанием угодить Клеоре. Этому мнению придерживаются и некоторые современные исследователи¹¹ так как, по их мнению, такой поступок является вполне логичным в свете желания Агесилая таким образом укрепить связи с отцом Клеоры и его фиванскими союзниками. И вообще, решение различных вопросов с привлечением родственных связей было типично для Агесилая¹².

Феопомп сообщает о том, что в 356 г. до н.э. жена царя Архидама – Дейника, получила взятку от фокейцев для того, чтобы оказать влияние на своего мужа и заставить его быть более верным союзу с Фокеей (FGrH 115 F312, ар. Paus. 3.10.3). И, хотя правдивость таких заявлений относительно дачи взяток довольно сложно оценить, тем не менее, мы видим, что жена царя, которая, очевидно, была из знатной семьи, способна была играть значимую роль, как во внешнеполитических отношениях, так и при принятии внутривластных решений посредством влияния на своего мужа¹³.

Ещё в одном отрывке из Феопомпа (FGrH 115 F240, ар. Athen. 609b) мы находим, что "мать Лисандрида Ксенопифия была самой красивой женщиной в Пелопоннесе. Она была казнена вместе со своей сестрой Хрисой лакедемонянами, – тогда же, когда Лисандр, враг и политический противник царя Агесилая, был изгнан из Спарты по проискум последнего".

⁹ Перевод Г.А. Стратановского.

¹⁰ MacDowell D.M. Spartan Law. Edinburgh, 1986. P. 107; Toynbee A. Op. cit. P. 364.

¹¹ Cartledge P. Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987. P. 146-147; Krentz P. Xenophon: Hellenika II.3.11-IV.2.8.

¹² Cf. Xen. Ages. 11.13; Cartledge P. Op. cit. P. 139-159.

¹³ Cartledge P. Op. cit. P. 147; Hodkinson S. Property and Wealth... P. 414.

Известный британский исследователь Энтони Пауэлл замечает, что “Спартанские женщины в IV в до н.э. воспринимались как серьезная внутривнутриполитическая сила” и, в данном случае, мать и тётка Лисандрида были настолько глубоко вовлечены в его политическую деятельность, что были “слишком опасны, чтобы быть оставленными в живых, так как представляли источник возможных волнений”¹⁴.

Отсутствие упоминания в связи с этим случаем отца Лисандрида или других родственников мужского пола рисует нам двух влиятельных вдов, оказывающих поддержку своему молодому отпрыску.

Подобным же образом поступила вдовствующая мать царя Клеомена III – Кратесиклея, которая не только предоставила сыну щедрую финансовую поддержку, но и с целью помочь ему повторно вышла замуж, а позже и отправилась в Египет в качестве заложника в обмен на финансовую помощь Птолемея III, где и встретила смерть после его поражения (Plut. Kleom. 6.1; 22.3-7; 38).

Конечно, нельзя не считаться с тем, что почти все дошедшие до нас упоминания о прямом вмешательстве женщин в государственные дела Спарты относятся к достаточно позднему времени (не ранее 70-х годов IV в. до н.э.) и, по крайней мере, у Плутарха ограничиваются лишь узким кругом лиц из высших слоев общества, принадлежавших к царским и другим аристократическим родам. По своим амбициям и всему складу мышления эти “знатные дамы”, стоявшие очень близко к главным “жизненным центрам” спартанской большой политики, видимо, не так уж сильно отличались от женщин из эллинистических царских династий или же гордых матрон республиканского и императорского Рима. Оба наши источника: и Аристотель, и Плутарх, однако, в равной мере настаивают на том, что такое положение вещей существовало в Спарте с незапамятных времен. По Аристотелю¹⁵, уже Ликург столкнулся с распущенностью женщин и, пытаясь бороться с ней, вскоре убедился в своей бессилии. Плутарх подтверждает его слова, замечая, что женщины в Спарте всегда властвовали над мужчинами (Agis. VII. 3). Но, что особенно важно, оба эти автора достаточно ясно дают понять, что причастность женщин к управлению государством отнюдь не была здесь каким-то изолированным или случайным явлением, что, скорее напротив, она может считаться закономерным следствием всего их образа жизни и того неподобающе высокого положения, которое они занимали в спартанском обществе.

POLITICAL INFLUENCE OF WOMEN IN CLASSICAL AND HELLENISTIC SPARTA

D.I. STROIKOV

*Nizhny Novgorod
Linguistic University
name N.A. Dobrolubov*

e-mail: dstroikov@yahoo.co.uk

The article touches upon the pattern of behaviour of Spartan women and the place they occupied within the society. To the mid-4-th century BC in Sparta there has been developed a clear tendency towards growing political influence of women. This influence resulted in taking decisions that were of vital importance not only for Sparta itself but for other Greek city-states as well. Relying on the existing sources and having analyzed different solutions on this issue it could be concluded that the influence Spartan women exercised over taking political decisions was by no means accidental, on the contrary it naturally followed from their way of life and the position they occupied within the society.

Key words: Spartan women, political influence, heiress, *kleros*, private property.

¹⁴ Powell A. Spartan women assertive in politics?: Plutarch's 'Lives of Agis and Kleomenes' // Hodkinson S., Powell A. (eds.). Sparta: New perspectives. 1999. P. 409-410 – с описанием исторической ситуации данного эпизода.

¹⁵ См. в особенности: Polit. II, 1269b39-1270a8.